

«ЗОДИАК»

И ЕГО ГОСТИ

Литературная страница

ЧИТАЙТЕ НАС В ИНТЕРНЕТЕ

www.zodiack.narod.ru

Татьяна Кошелева

...
Сосна
Человеку читает
Стихов моих
Вязь.
Стесняюсь. ...

Застегнута наглухо
Полночь.
И дверь
Сиротливо
Открылась...

...
Полночи
Тихая поступь.
В окно
Заглянула
Луна.

Юрий Воронин

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Дождик на нас слезы прольет.
Небо растает.
Нам бы про все знать наперед.
Сад облетает.

Кружат вороны — знаки судьбы,
Дьяволы в черном.
Голые ветки. Сад голытьбы —
В цвете минорном.

Я бы поверил, да нету причин
Верить укладам,
Этому трепету голых осин.
Нет тебя рядом.

Жизнь пролетела. Прокатится гром
Следом за баском.
Щедрое лето опять подождет.
Жаль, что не вместе!

ПРИВАТНОЕ ЧУВСТВО

Зайду на почту. Попрошу конверт.
Посмотрит девушка красивая с бантом.
Она меня не любит. Вот ответ.
А просто улыбнется ярким ртом.

Кружат опять, куражатся миры.
На всей Вселенной я сюда прилип.
Я так смешон для местной детворы,
Но так приватен этот сладкий миг.

Туманный Гавр и солнечный Кантон,
Не перепутаю и не предаю мечты.
Мне улыбнется девушка с бантом.
Наверно, ей опять пошло цветы.

Анатолий Щавелин-Елисеев

Во здравие

Пью рязанское разнотравье
И Руси есенинской мед.
За любовь пью и во здравие,
Снаряжая душу в полет.

Что занесешь ты в книгу бытия

Что занесешь ты в книгу бытия
Из этой жизни, вновь не повторимой!
Тот вздох последний матери родимой
И первый крик рожденного дитя.

Что занесешь ты в книгу бытия
Из той войны, великой и печальной,
Где день победы, как венки венчальный,
И вдовий след, сиротства колея.

Что занесешь ты в книгу бытия!
Тот школьный вальс, зарю и пристань-росстань,
И рос российских утреннюю россыпь,
И в жизнь большую день отплытия.

Что занесешь ты в книгу бытия,
Когда судили беспощадно строго!
Казенный дом и дальнюю дорогу
Не вычеркнешь из книги бытия.

Что занесешь ты в книгу бытия
Из этой жизни жесткой и прекрасной!
Что были мы и жили не напрасно,
Всего испив из чаши бытия.

Когда уйдут приятели, друзья
И ты останешься один пред небом вечным,
То вспомни нас, взгрустнув по-человечьи
О краткости земного бытия.

Зажги свечу, сердечно помолись
За нас, за всех отныне бессловесных.
Да снизойдет на душу свет небесный,
Ты благодарно сердцем отзовись.

Очистить душу свыше попроси,
И коль она от нечести свободна,
То занеси все, что душе угодно,
Лишь одного, будь добр, не заноси.

Да будет так и присно, и отныне:
Не заноси великий грех унынья.
А занеси, что был и ты, и я
На празднике земного бытия.

И что сегодня, в этот день веселый,
Среди забот, печалей и веселья
Мы вместе здесь и рад вас видеть я
На пиршестве земного бытия.

Татьяна Каминная

Живая вода

Омрачилось небо тучами.
Заливается слезами.
И меня хандра замучила.
Я с дивана не слезаю.

Полнолуние. Время нервное.
Из-за туч — луна седея.
Дождик кончится, наверное,
И к утру похолодает.

Мне не спится. Сердце мечется
Зверем пойманным в неволе.
Я грущу о человечестве,
Незавидной его доле.

Сколько в мире всякой глупости
Происходит ежедневно.
И от злости, и от тупости
Одинаковы несчастья.

Чтоб Земля проснулась чистая,
Льетесь дождь — вода живая.
Очищая, нас неистово
Кто-то сверху поливает...

К портрету

Увы, не видно в нем души славянской,
Души широкой, сердобольной, щедрой...
Наверняка не обошлось без пьянства —
Сивушный дух собой заполнил недра,
А Дух Святой, что в сердце жил когда-то,
Ушел, оставив на погибель тело,
Душа скорбит, как будто виновата,
Что мерзость человеком завладела...

Светлана Гордиенко

НЕ УХОДИ, ЛЕТО!

Осень дождливая... Как же тоскливо...
Небо затянуто серым ковром...
А на земле в большой луже игриво
Голуби плещутся перед окном.

Осень! Зачем оставаться унылыми!
Лучше поддержим веселый настрой,
Будем по-летнему добрыми, милыми.
Где же ты, лето!! Останься! Постой!

ПЛЮШОВЫЙ ВЗГЛЯД

Твой первый взгляд стал символичным,
Он в сердце, в душу заглянул.
От взглядов от других отличный,
Судьбу он мне перевернул.

Счастливым, кто в любовь так верит.
От взгляда первого она
Живет на сердце, душу греет,
Она же и обречена

На зависть от людей недобрых,
На ревность, что толкает в ад.
Но взгляд, какому нет подобных,
Не повернет любовь назад.

Анатолий Прядкин

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

РАССКАЗ

Антон Плотников буксовать не любил, и когда начинал пробуксовывать, злился, ругал себя последними словами и вообще за человека не считал. А пробуксовывать в последние годы жизни ему приходилось все чаще, потому что ехал не по бетонной автострате, а по ухабам и колдобинам, да еще неизвестно куда...

Однажды Антон совсем сломался, то есть потерял ориентировку в своей жизни и крепко забухал. Стоя на автобусной остановке, он ждал экспресс на Москву, чтоб в столице самого богатого в мире государства разжиться у старших товарищей деньгами, но вдруг перед ним остановилась шикарная иномарка.

— Ну ты что там баклуши бьешь, — раздался знакомый голос, — канай к нам быстрее!
Антон оглянулся. Рядом с ним сидели на скамейке деревенские старушки с корзинами яблок и бутылками изпод пива. Он сообразил,

что зовут его. Через мгновение он уже сидел, как вельможа, на заднем кресле и ладонью глушил работу разволнованного сердца. Ему казалось, что сердце стучит громче, чем клапаны двигателя. Разглядев наконец за рулем закадычного друга, успокоился.

— Тебе куда? — спросил Михаил Клюкин и улыбнулся в зеркало на ветровом стекле.

— В Москву! — сказал Плотников. И тут же поймал себя на мысли, что Клюкин скорее всего держит путь к матери в старый город. — Мне бы добраться до «Кормильца».

— А может, подобрать до общежития?

— Нет! — отрезал Антон. — Тогда уж лучше прямо в тюрьму.

Сидевший на переднем сиденье мужик оглянулся.

— Есть желание? — Особого желания пока нет, но может поехать, — серьезно сказал Плотников.

Стенан Васин

Павлиний глаз

Помахав двумя коврами,
Прилетел павлиний глаз.
И опять перед глазами
Детство всплыло. Как сейчас,
Вижу: я бегу по полю,
Чтобы бабочку поймать.
Счастлив, нету места горю...
Вот бы вновь туда сбегать.
Вроде мелочь, а приятно
С другом в прошлое слетать,
Чтобы стало нам понятно,
Что нельзя тепло терять.

Малость

Порвались мои шнурочки,
Что ж, пора их заменить.
Все видели — ямы, кочки,
Много где пришлось ходить.

Веселясь, нырять в сугробы,
Мерить лужи и ручьи,
Видеть, как в порыве злобы
Топал, крикнув: «Замолчи!».

Путешествие прервалось,
Сиротеют башмаки...
Только малость и осталась —
Вставить новые шнурки.

Сергей Астанин

ТЕТКА АНЯ — СТАРАЯ РЫБАЧКА

Все рыбаки-мальчишки на причале
Давно им не ровесницу, увы,
Ее по-свойски, запросто встречали
И меж собою звали «смерть плотвы».

И вновь в тумане донка-закридуха
Позвякивала медным бубенцом,
Когда шагала добрая толстуха
К ватаге голоштаннх огольцов.

Но как-то раз, под осень, утром ранним
В траву упала связка окуней,
Качнулся небосвод над теткой Аней,
И закружились ангелы над ней...

Привычными к стенаньям голосами
Гнусили бабки, траурно черны,
А чуть поодаль, хлюпя носами,
Брели ее любимцы — пацаны.

И устлалась лапником дорожка,
И, дожидаясь часа своего,
Стальные пугачи в табачных крошках
Взвевдены были все до одного.

В пустой собор за гробом небогатым
Вошли старушки, дружно семена,
И в миг, переглянувшись воровато,
Застыла у порога ребятня.

И в глубине старинного собора
Вдруг закивали огоньки свечей.
Как будто вторил ангельскому хору
Прощальный залп ребячьих пугачей...

Смотрю в былое с грустной улыбкой:
В нем под трезвон речного бубенца
Босое детство в непременных цыпках
Спешит к реке. И нет ему конца.

В это время на коленях у него появилась миниатюрная, похожая на большого комара, собачонка. Плотников протянул к ней руку, чтобы погладить, но собачонка показала ему мелкие и острые, словно сапожные гвоздики, зубки.

«О! — подумал Плотников. — Тогда мы с тобой не уживемся».

Тойтерьер, словно угадав его мысли, пробрался между сиденьями и оказался на коленях у хозяйки, высунив голову перед рулем...

Стоявший на перекрестке «гаишник» чуть не вскинул жезл вертикально вверх: вероятно, сразу не догадался, что у водителя, то есть каширского голубятника Михаила Клюкина, не может быть... три руки, как у бога Шивы...

Через несколько минут Антона высадили возле Введенского храма, и он три раза перекрестился, чтобы очиститься от случайной встречи, пошел по Советской к «Кормильцу».

В общегае, где жил Плотников, по коридору бегали кошки с петлями на шеях, слышался собачий лай, стоял потусторонний смог от дыма. «Сущий ад!» — выругался Антон, но тут же вспомнил тойтерьера и от души рассмеялся.

Потом уже, наедине с собой, оставшись в своей комнате перед листом

чистой бумаги, он представил, как бдительный «гаишник», оставив иномарку Кююкина, протягивает руку в салон за правами, а этот доходяга, тойтерьер, цап его за руку! «Гаишник» уже был готов нанести удар тойтерьеру жезлом в отместку за обиду, как вдруг, словно пораженный молнией, замер с застывшим взглядом. На обочине стоял в тройке, в шляпе и во все замечающем пенсне... Чехов и грозил стражу порядка пальцем, мол, можешь превратить самооборону.

Плотников перестал восхищенно удивляться совпадению ситуаций в придуманном эпизоде в поездке на шикарной иномарке по Кашире с эпизодом в рассказе Чехова...
Поставив ведро с водой под стол, привязав к нему, чтоб всегда была под рукой, кружку, он положил перед собой чистый лист бумаги, на котором хотел рассказать миллионам читателей, как крепкого мужика цапнуло за руку ничтожно маленькое, бесильное существо, заметившее, что кто-то чужой без спроса нарушил ее территориальную целостность. Но вместо ручки взял из куляка соленую кильку, оторвал ей голову и, пошарив по столу глазами, бросил голову на сверкающий передний бей-

лизной лист. Пока Плотников жевал кильку с чертовой черной краюхой, перед его глазами вздымались волны безбрежного океана макулатуры...

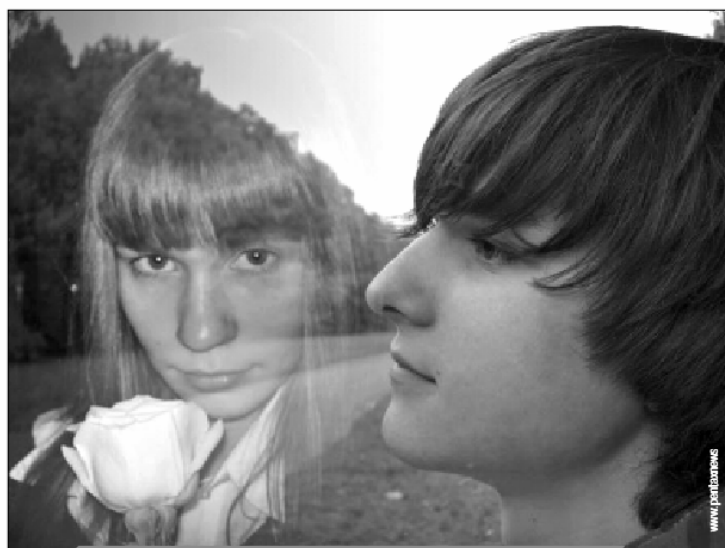
Напившись воды, Плотников понял, что перед ним маячили «волны литературы», затопившие все в мире, включая человеческое сознание!

Чем дальше рассуждал он, тем больше выходил из себя и чувствовал, что становится сам не свой...

Крутой нрав не позволил ему находиться в таком дурацком положении. Несостоявшийся писатель, недолго думая, помыл руки, натянул демисезонное пальто и, как говорят врусских сказках, был таков!

«Да ни за какие деньги не соглашусь сидеть за столом в такую погоду и писать о том, что случается с нами в жизни на каждом шагу...» — думал он, направляясь по тропинке к Оке.

Тропинка «шла» с закрытыми глазами, словно земная жизнь, петляла на каждом шагу. Иногда, с дуновением ветра, она приносила первозданный запах всего, что было окрест, словно хотела, чтобы человек, идущий по ней, ничего не забыл там, далеко внизу, где течет река...

Мечты... Мечты

Алевтина Гришина

ДАНО СУДЬБОЙ

Опять идут осенние дожди,
И холодно душе неярким полднем.
Перо в руке, но только слово «жди»
Ложится на бумагу, рядом — «помни».
И это все, что нам дано судьбой.
Все время ждать. Закатов и рассветов,
Ждать счастья и когда утихнет боль
И столько горьких знать потерь при этом.
С годами мы становимся мудрей,
Хоть знаем: ожиданье не напрасно.
Кому-то дарит радость Гименей,
Кому-то дружба продлевает праздник.
Сбылись уже работа и любовь.
Чего еще хотеть от этой жизни!
Но леденит и будоражит кровь
Нам ожиданье неизбежной тризны.
И вот тогда, как будто сквозь туман,
События всплывают, даты, лица —
В права вступает вечный тот обман,
Что памятью зовем. Не повторится
Ни радостям, ни бедам, ни мечтам,
Но лучшее — уверены мы — помним,
И это душу согревает нам
В такой вот бесконечно грустный полдень.

ВОСПОМИНАНИЕ

Остановите старую пластинку
И сомкнутые руки разомкните!
Вчера нашла я мелкую стотинку —
Свидетельницу давних тех событий,
И мартинички так наивны, право,
И розовое масло из долинки,
Где Аспарух рукою величаво
На Шумен указывает. И былинный
Лев на гравюре выглядит лукавым,
И «Всички хубова»* летит над миром эхом...
Я это все забыла не по праву,
Мне в Керджели давно пора приехать
Иль в Габрово иль Плачковцы нагрнуть,
Звонить друзьям, и вновь собрать их вместе,
И быть счастливой и немного пьяной
Не от ракии — от любимых песен.
О верных другарях споют, конечно,
Мои друзья, о море беспокойном.
«Аз тем обичам»** будет с нами вечно,
Ведь мы по-прежнему любви достойны.
Как много прожито, а сердцу все в новинку
Измены, боль и маята в разлуке.
Вы не снимайте старую пластинку,
Не размыкайте сомкнутые руки,
Не отпускайте милых и любимых.
Самой себе признаться не решусь я,
Как больно было мне промчаться мимо
Моей мечты по трассе Варна-Русе.
А после за стотинкою стотинка
Бросать слезами жадному Дунаю.
О чем поет та старая пластинка,
Я слово в слово с той поры и знаю.

* Всево хорошего

** Я тебя люблю

Андрей
Тернов

Боги и люди

Не люди созвездья рождают,
Но в общем их схожи дороги.
Не боги горшки обжигают,
Но их обжигают, как боги!

И боги бывают жестоки,
И люди добры в правосудье.
И свет несут люди, как боги,
И борются боги, как люди...

Не обижайтесь

Не обижайтесь на огонь
За то, что обжигает.
Не обижайтесь, если вонь
До рвоты раздражает.

Не обижайтесь, если дождь
Как из ведра, намочит.
Не обижайтесь, если в дрожь
Гром кинет, что есть мочи.

Не обижайтесь, если лед
Морозит беспристрастно.
Не обижайтесь, если бьет
В глаза свет солнца ясный.

Не обижайтесь, если грязь
Испачкает нещадно.
Не обижайтесь, если враз
Недуг прихватит жадный.

Такой напор, такой набег
Не сдержат и лихие.
Хоть это все — не человек,
Но в нем живут стихи!

ВНИМАНИЮ ЛЮБИТЕЛЕЙ ПОЭЗИИ

Литературное объединение
«Зодиак» приглашает всех
желающих на свое
очередное заседание,
которое состоится, как
всегда, в первое
воскресенье месяца
в 12 часов в центральной
библиотеке в Кашире-2.
Ждем вас, поэты и
прозаики, 2 ноября.